

Татьяна Свербилова.

**Битва «гиршманистов» с «лотманистами» - глазами второкурсника
Памяти Ю.М.Лотмана и М.М.Гиршмана**

Написано в 2006 году.

Опубликовано на сайте <http://www.academia.edu/>

В 1973 году я закончила второй курс заочного отделения филологического факультета Киевского университета, куда до этого неудачно пыталась поступить несколько раз. Поскольку у меня не было родительских связей, во что трудно поверить, потому что родители были научными сотрудниками Академии наук и преподавателями киевских вузов, - я каждый раз оставалась за бортом, хотя почти отлично окончила престижную 57-ю гуманитарную киевскую школу и к тому же подготовлена была значительно лучше тех, кто удостоивался чести студентом Киевского университета. Наконец, на третий год попыток, мне посчастливилось попасть к экзаменатору, с которым мы, по причине плохой организации вступительных экзаменов, вынуждены были провести часа полтора, за которые я рассказала все, что знала по всем билетам. Ей, видимо, к тому времени надоела система всеобщего «блата», как тогда называли вступительные экзамены в вуз, и она решительно настояла перед более конформистски настроенной коллегой на отличной оценке. Эта «пятерка» открыла мне двери, хотя и заочного, но несколько лет страстно, но тщетно желаемого филологического факультета.

Экзаменатора звали Екатерина Ивановна Самохвалова, мы с ней встретились впервые и друг друга не знали. Впоследствии она преподавала у нас диалектологию и старославянский язык. Царствие ей небесное! Я вспомнила о ней потому, что она и внешне, и по психологическому настрою очень была схожа с Зарой Григорьевной Минц, о которой я собираюсь писать, хотя, возможно, не все со мной согласятся. Удивительная доброта и доброжелательность, по-украински, лагідність, к совершенно незнакомым людям, некая простонародность в фигуре в сочетании с твердым научным умом и таким же научным фанатизмом. Тип женщины-исследователя догендерной эпохи, когда внешняя атрибутика женственности еще не съедалась агрессивно-истеричным типом поведения сторонниц гендерного подхода к истории культуры и жизни.

В результате двух лет безупречной учебы на заочном отделении мне удалось вырваться далеко вперед однокурсников и добиться перевода на стационар, пусть и с потерей года. Все многолетние мечты мои исполнились, хотя я с некоторым удивлением наблюдала среди своих новых однокурсников большинство людей совершенно случайных, и только диву давалась, каким образом они обошли меня на вступительных экзаменах.

В таком боевом настроении застал меня Исай Яковлевич Заславский, руководитель научного семинара, куда я, тогда уже староста научного кружка по кафедре истории русской литературы, принесла свою курсовую работу, выполненную в объеме дипломной, да к тому же на год раньше срока. Работа называлась «Ритм, пространство и время в повести Пушкина «Пиковая дама». Исай Яковлевич был в раздумье о том, что ему делать с таким вундеркидом (а надо сказать, что в 1973 году в Киевском университете такая тема была отнюдь не массовой, как сейчас, скорее, о том, что такое хронотоп, вряд ли четко знал кто-нибудь из студентов, а, боюсь, и преподавателей). Но Исай Яковлевич Заславский обладал способностью выдвигать активных студентов на всяческие конференции по всем пространствам бывшей единой родины. Он отказался поставить мою работу на рассмотрение семинара до тех пор, пока я не поеду на конференцию в Тарту. Я очень лихо согласилась, а он опасливо спросил, читала ли я книги Ю.М.Лотмана. «Структуру художественного текста» я подержала в руках уже перед самым отъездом. Меня изумило, что Исай Яковлевич спросил далее, не боюсь ли я ехать в Тарту. Тот же вопрос задал мне и Андрей Васильевич Кулинич, тогда заведовавший кафедрой истории русской литературы, подписывая мою командировку. Я пришла в университет с завода, где работала монтажником, компания наивных

девочек-второкурсниц была мне чужой, и я не видела оснований для страха. Бояться я начала позднее...

В Тарту меня встретила старшекурсница Ирина Паперно, худенькая темноволосая девочка, которая была тогда председателем НСО. Она, официально представившись (“Ирина Паперно, прошу не путать мою фамилию с Паперным, к которому я никакого отношения не имею”), строго и популярно объяснила мне разницу между СНО и НСО и опять просила не путать. Ирина, известный профессор-славист американского университета, я Вас помню, но разницу между СНО и НСО – забыла. Каюсь... Зато я помню Ваш студенческий доклад на тему: “Жанр эпистолярный в романе Шадерло де Лакло “Опасные связи”... Ирина отвела меня в университетское общежитие и велела не опаздывать на заседание.

Я пришла первая. Все уже знали, что Юрия Михайловича на этой конференции не будет, поскольку он уехал в Москву. Руководителем секции была Зара Григорьевна, которая передала мне сожаление Юрия Михайловича, как раз тогда работавшего над статьей о карточной игре в “Пиковой даме”. Именно это обстоятельство заставило организаторов изменить своей традиции не приглашать студентов младших курсов и вызвать меня из Киева, который они весьма плохо представляли себе. До меня в Тарту бывала Людмила Киселева, а других я не знаю. Впоследствии в аспирантуре в Тарту училась Лариса Фиалкова, ныне профессор Иерусалимского университета. Но это было уже через несколько лет. Вот так получилось, что фараон, или штосс решил мою судьбу, поскольку без Тарту я просто не состоялась бы как литературовед.

Зара Григорьевна, открывая заседание, сказала, что, по традиции, первое слово предоставляется самым младшим, и, хотя ее доклад в программе стоял первым, она уступила очередь мне. Я четко и внятно отчитала свои странички и, довольная, двинулась на место. Не тут-то было! “Куда Вы? – спросила Зара Григорьевна. – У нас принято обсуждать доклады”. Пришлось вернуться на место за университетской кафедрой. И вот тут это началось. Продолжалось это около двух часов. Сначала я стояла за кафедрой, потом, заметив мой ужас и мою ненужность на этой экзекуции, Зара Григорьевна отправила меня на место за первой партой (парты были старые-престарые). Она то и дело посматривала на меня, видно я уж очень бледно выглядела и в прямом смысле, а не только в переносном. Зара Григорьевна села рядом со мной и тихонько мне говорила: “Садитесь, деточка, садитесь. Вы, деточка, не бойтесь. Это у нас всегда такое творится. Ничего страшного нет – просто очередной раз гиршманисты с лотманистами сцепились. Мы уже их приглашать не хотели в таком количестве, так они сами понаехали. Юрий Михайлович их обычно утихомиривает, а тут его нет, так они радуются. Вы, деточка, спокойней”. Если бы не ее ласковый голос, я точно бы от ужаса в обморок упала. Если образно обозначить, что же это было, то для сравнения подходит такое: абордажная схватка двух пиратских кораблей. К сожалению, я не могу сейчас назвать фамилии “пиратов”, от ужаса я ничего не соображала. Но я думаю, они, если живы, себя в 1973 году на осенней конференции в Тарту помнят. Корабль донецких пиратов находился на галерке, тартуские аборигены сидели ближе к доске. Впрочем, “сидели” – неподходящее слово для состояния спорящих. Они вскакивали, размахивали руками, тянули друг друга, кричали, перебивая друг друга. Недаром же я испугалась! В этом бушующем море единственной спокойной точкой оставалась Зара Григорьевна, руководитель секции. Обо мне давно все забыли, я была только поводом для начала дискуссии, отброшенным сразу же после того, как были отданы швартовы. Трудно было понять, какое отношение имеет штосс к такому шторму. До меня дошло только, что дело не во мне, не в Пушкине, и не в его бессмертной повести. Чаще всего звучало слово “школа”. Вот это-то и было причиной абордажных боев за моей спиной.

Реконструируя впоследствии слышанное тогда, я могу отреферировать его как полемику по поводу подходов к целостности художественного текста как системы. А именно, является ли историко-культурный компонент, которым тогда уже занимался Юрий Михайлович, составляющей этой целостности. Тогда казалось, что это бросок назад к традиционному историко-литературному контексту, дискредитированному марксистской социологией. А вместе с тем, тогда уже ощущался дефицит пространства в замкнутых методологиях системно-структурного анализа,

как и в категориях целостности текста. То, что рассмотрение литературы в контексте культуры было масштабным прорывом вперед, тогда было ясно еще далеко не всем.

Часа через полтора Зара Григорьевна встала и объявила следующий доклад – свой. Потом Ирина Паперно рассказывала об “Опасных связях”. И все обсуждалось! Я, привыкшая к псевдонаучным студенческим конференциям Киевского университета, где никаких вопросов ни у кого никогда не возникало, была ошеломлена. Заседания затягивались, но никто этого не замечал. Время пролетело быстро. В комнате общежития выпускницы-эстонки собирались ехать учителями на село и говорили о бесконечном отрыве тартуских интеллектуалов от проблем реальной жизни, которые они не в состоянии были разрешить, и о контрасте между блестящими лекциями Юрия Михайловича о русской культуре и жалкой ролью сельского учителя русского языка в эстонской школе...

Почему я больше никогда не была в Тарту? Это трудный вопрос. Мне казалось, что впереди длинная жизнь, и я успею стать вровень с теми, кого мне довелось встретить, а над всеми ними незримо витал дух отсутствовавшего тогда Юрия Михайловича... Жизнь, как оказалось, не столь уж и длинна. Сначала я выписывала наложенным платежом из Тарту сборники “Трудов по знаковым системам” и “Трудов по славянской филологии”, потом, в конце 80-х-начале 90-х вынуждена была отказаться от этой почты – мы уже начинали тогда голодать, и книг я давно не покупала...

Меня дважды не приняли в аспирантуру, и я 10 лет завоевывала свое право вообще заниматься наукой, работая сразу на двух должностях технического персонала, но получая одну небольшую зарплату. Почему не наладила связи с более близкой отечественной донецкой школой? Лаборантов в командировки не отпускали, а вскоре я на долгие годы утратила возможность ездить куда бы то ни было... И мне все казалось, что еще немного, и мне уже не стыдно будет повстречаться с теми, кто кричал с галерки тартуской аудитории о целостности художественного текста. А потом все распалось, разлетелось, осколки разбитого вдребезги...

Но я точно знаю, что в известной степени я выжила и продолжала жить еще и потому, что на заре моей жизни мне довелось очутиться в Тарту, «меж двух школ», прикоснуться к настоящей науке, а не ее суррогату, с которым приходилось впоследствии сталкиваться. Может, хорошо, что эта планка оказалась столь высокой. Это дало мне на всю жизнь осознание некоего интеллектуального превосходства, быть может, мнимого, которое поддерживало меня в самых унижительных для человека пишущего ситуациях.

Конечно же, после Тарту я все прочитала. Конечно же, по мере сил старалась внедрять в сознание собратьев мысль о филологии как о науке точной. И конечно же, принимала упреки в неоправданном усложнении простых вещей. Ведь это было так давно, что и самой сейчас не верится. Я попыталась на закате моей научной жизни отдать хоть частично дань моей юности, переведя на украинский язык и подготовив к печати статью Юрия Михайловича для «Антологии мировой компаративистики», которая выполняется в отделе компаративистики Института литературы им.Т.Г.Шевченко НАН Украины под руководством Д.С.Наливайко. Если эта антология выйдет, я, наконец, смогу успокоиться и примирить «лотманистов» и «гиршманистов», ведущих нескончаемый спор в моей бедной памяти.

Татьяна Свербилова

23 марта 2006 года

URL:

http://www.academia.edu/13616573/%D0%91%D0%B8%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%B3%D0%B8%D1%80%D1%88%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D1%81_%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BC%D0%B8_%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%B8_%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0